

ЕВГЕНИЙ ТИМОШЕНКО

Фантомы Черноморской кинофабрики

Евгений Тимошенко

**Фантомы Черноморской
кинофабрики**

«Издательские решения»

Тимошенко Е.

Фантомы Черноморской кинофабрики / Е. Тимошенко —
«Издательские решения»,

Здесь, на страницах этого произведения, попытаюсь рассказать о трех совершенно разных людях, которых судьба свела в одно время и даже в одной точке. Я не буду выставять оценок их личностям, хотя могу и не удержаться. Предпочту, чтобы эту работу сделали Вы! Именно, Вы должны определить, кто из них «Шура Балаганов», кто «Корейко» или «О. Бендер». Я уверен, что из нашей жизни эти персонажи никуда не ушли. Они всегда были и будут рядом.

Содержание

Глава 1	6
Витька	6
Маленький Пук	8
Глава 2	9
Шилов	9
Глава 3	10
Цена свободы	10
Глава 4	12
Начать сначала	12
Глава 5	14
Кефир и «трешка»	14
Два за один	16
Глава 6	17
«Шар» со звуком – вербовка	17
Глава 7	20
Живи и думай	20
Глава 8	23
Выбор в отказе	23
Глава 9	25
Как витька директором стал	25
Завершение одного процесса не всегда означает начало другого	28
Глава 10	31
Любая палка имеет два конца	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фантомы Черноморской кинофабрики

Евгений Тимошенко

© Евгений Тимошенко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Вот и дождались мы вашего внимания (я о себе и повести, собственно говоря). Здравствуйте, уважаемый читатель!

Здесь, на страницах этого произведения, попытаюсь рассказать о трех совершенно разных людях, которых судьба свела в одно время и даже в одной точке. Я не буду выставлять оценок их личностям, хотя могу и не удержаться. Предпочту, чтобы эту работу сделали Вы! Именно, Вы должны определить, кто из них «Шура Балаганов», кто «Корейко» или «О. Бендер». Я уверен, что из нашей жизни эти персонажи никуда не ушли. Они всегда были и будут рядом. А поскольку это именно так, то сразу хочу оговориться, что имена и фамилии вымышлены, а совпадения событий или ситуаций случайны.

Итак, начнем!

Евгений Тимошенко, 2015

Глава 1

«...Все будет как в кино, а в кино плохое не показывают...»

Василий Шишкин

Витька

– Зачем ты это сделал? – с жесткой укоризной в голосе спросил Валерий Николаевич своего племянника.

Они стояли возле трюмо в полутемном коридоре квартиры-хрущевки, перекрывая проход полностью.

Витя – тщедушный молодой человек лет двадцати ростом выше среднего с огромной волнистой шевелюрой «а-ля Смоуки» стоял, опустив правую длинную руку вдоль туловища. Левой же он, протягивая навстречу дяде, ибо Валерию Николаевичу он доводился племянником, передавал ему золотое обручальное кольцо «бочонок», которое успешно и подлю стырил из спальни своей двоюродной тетки во время застолья по случаю ее дня рождения. Произошло это в момент, когда гости стали поднимать рюмки в честь его деда-героя Гражданской войны, ибо любое собрание Витиной родни заканчивалось именно так. А это в свою очередь означало, что все присутствующие за столом подобрались к нужной кондиции, когда салат еще не закончился, но мордой в него падать еще рано.

Уловив этот момент, Витя ловко и воровато исчез из-за стола. Зная, наверняка, где находится заветная теткина шкатулка, и, будучи уверенным в том, что его никто не заметит, Витек все же пробрался в спальню на цыпочках.

Открыв коробочку с украшениями, косматый шалопай ахнул. Чего там только не было. Коралловые и жемчужные бусы с золотыми застежками, колечки, сережки со стразами из белого и желтого золота, серебряные клипсы. Он засунул руку внутрь и на мгновение зажмурил глаза от удовольствия.

Вдруг в коридоре раздался грохот падающего ведра. Витек дернулся и рванул к двери. Присев на корточки он выглянул в дверную щель, так как нарочно не закрыл за собой дверь на случай «шухера».

В полутемном коридоре на полу барахтался в борьбе с пустым ведром Санька, двоюродный брат.

« – Вот пьянь, – подумал Витек, – и тут мне все перебивает».

Он на цыпочках вернулся к шкатулке, выхватил колечко с приличным весом, пару цепочек, но шум в коридоре усилился и воришка рванул в смежную со спальней комнату.

– А ну поднимайся, бездельник, – прокричала тетка Дарья пьяному Саньке, – ты чего тут возле моей спальни распластался? Придурок!

Сын ее кое-как со второй попытки встал на четвереньки. Тетка пнула его под зад ногой, и он снова завалился на пол.

– Тетя Даша! А чего вы тут? – задал вопрос Витя, высовывая голову уже из кухни.

– Да я вот пообещала показать свои сережки твоей матери. А этот пьяный оболтус увалился тут на пол, прохода нет, – проворчала тетка, переступая через лежащее на полу булькающее тело.

– А-а, – протянул Витя, – а я хотел сказать, что мне пора.

– Что даже чаю не попьешь? – равнодушно спросила Дарья, открывая дверь спальни.

Она повернула голову, но Витьки уже и след простыл. «Вот, бабник, – подумала Дарья, – чуть только „женилка“ выросла, уже кобель. Весь в свою мамашу».

Не успел Витя добраться до калитки палисадника, как в доме тетки раздался дикий крик.
– Люди! Ограбили! – кричала Дарья. Витька, злостно ухмыляясь, просунул руку в карман брюк-клевш и, нащупав заветный металл, рванул что есть мочи домой.

Маленький Пук

– Так все же зачем ты это сделал? – спросил Валерий Николаевич, забирая обручальное кольцо из протянутой руки Витька.

Тот стоял, потупив взор в пол, и шаркал нервно носком правого тапка по старому паркету, словно что-то выковыривал.

« – Придурок!» – подумал про себя Валерий Николаевич, а вслух сказал.

– Как же ты будешь в Москве учиться? Тебя же там сокурсники забьют или в тюрьму посадят!

Витек продолжал молчать, только вот рука правая сама без воли хозяина вновь проникла в карман брюк и сжала в нервной судороге, оставшуюся золотую цепочку тетки.

– Ладно, Бог тебе судья! – произнес дядя и повернулся к выходу.

Взгляд его уперся в зеркало трюмо.

Витек, понимая, что кое-что ему урвать удалось и довольный этим, показал вслед дяде язык так быстро и часто, как это делал комиссар Жюв в фильме «Фантомас».

Оскорбившись этим обстоятельством дядя, не раздумывая, развернулся, и, взмахнув рукой, ударил основанием ладони племянника прямо в лоб.

Не ожидая такой прыти от родственника, Витька даже злую улыбку не успел снять с лица и, прикусив свой язык, завалился на пол. Раздался громкий ...«пук!».

Дядя, услышав или скорее почуяв неприятный запах, поморщился брезгливо и плюнул в ноги покрасневшему от конфуза Витьку.

– Сраная интеллигенция! Не тронь говно, вонять не будет, – в сердцах и с горечью произнес дядя и вышел из квартиры.

Глава 2

Шилов

*«...Искусство мыслить спасает жизнь...»
Евгений Тимошенко*

Камера представляла собой куб, почти правильной формы. В высоту он была не выше 180-ти сантиметров. Нары занимали почти все горизонтальное пространство так, что от них до противоположной стены было всего полметра. В длину можно было насчитать всего четыре коротких шага. Пройдя в камеру, Сергей подождал, пока закроется дверь. Охранник повернул ключ в замке, сдвинул со скрипом засов и ушел. Возле двери вверху слева за решеткой горела тусклая лампа. Ее никогда не выключали, дабы можно было в любой момент увидеть то, что там происходило. В тамбуре же свет не включали, чтобы задержанные не могли видеть того, кто за ними наблюдает снаружи. Охранник ушел, и Шилов остался один наедине со своими мыслями. Нельзя сказать, что мозг его начал лихорадочно работать над тем, что он успел узнать и услышать за этот день. Сергей прилег на нары и прикрыл глаза. В голове все еще мелькали эпизоды произошедшего за день. Ясной и четкой картины пока не было. Уснуть он не смог, так что встал и начал ходить по камере, считая шаги. Закурил сигарету, и подумал, что так можно и время определить без часов, так как дневной свет сюда не проникал. Немного отвлекало. Наступило время ужина. Всем, содержащимся в изоляторе разнесли что-то похожее на пищу, но на Шилова, поскольку он поступил днем, наряд выписан не был, но Сергей этим не сильно расстроился. Ему было не до еды. Выкуривая через равные промежутки времени по сигарете, он немного успокоился. Мысли стали складываться в ровные предложения. Анализируя ситуацию, пришел к выводу, что все это сделано только для того, чтобы психологически его уничтожить. Несмотря на серьезность обвинения, показания свидетелей, что-то все-таки у следствия не складывалось. Устав прохаживаться двумя шагами вперед и назад, Шилов прилег на деревянный настил. Потом мысли стали путаться, и Сергей заснул, вернее просто забылся...

Проснулся от какого-то шороха, вскочил, но ничего не понял. Сергей лежал головой к двери, так что не сразу сообразил, что этот звук идет именно оттуда. Повернувшись лицом к выходу, Шилов понял, что смотровое окошко приоткрыто, и в нем что-то блестело. Все оказалось прозаичнее, – это был чей-то глаз. Неизвестно сколько времени стоявший за дверью человек наблюдал за ним, но, как только Шилов повернулся, тот почти сразу заговорил шепотом.

– Тебя столько раз предупреждали о том, чтобы не лез туда, куда не просят. А теперь сидишь тут и ждешь своего конца. Запомни, что все еще можно изменить. Завтра у следователя сознаешься во всем, и тогда тебе дадут минимум. В противном случае, тебе крышка, – голос закашлялся, – тогда сразу все припомнят. И помочь тебе некому.

Прошептав это, посетитель исчез. Голос был каким-то хриплым, но очень знакомым. Около часа Сергей не мог уснуть, затем просто провалился в темноту.

Глава 3

Цена свободы

«...Алчная душа всем злым делам начало...»

Иоанн Дамаскин

– Ну, принес? – спросил конопатый и рыжий молодой человек того же возраста что и Витек.

– Принес, принес, Моня, – ответил ему Витек, доставая из кармана золотую цепочку.

– Вот, – сказал он рыжему фарцовщику, – держи. Оцени ее по максимуму, потому что больше ничего нет.

– Фью-ить, – присвистнул Моня, – вещица-то так себе.

– Не свисти, денег не будет, – оборвал его Витек, – эта цепочка еще до революции делана, так что не надо трепаться.

– Видишь, – Витька указал пальцем на пробу на замочке, – такого даже Бендер не видел, а ты говоришь, так себе.

– Ладно, – ответил Моня, доставая из кармана складную лупу.

– Что ж, – произнес он, пожалуй, я дам тебе триста рублей.

– Какие триста? – вскричал, выпучивая глаза Витек, – мало того, что мне пятьсот надо судье отдать, так еще и по морде за нее получил.

– Какому-такому судье и по какой морде, я не знаю, – ухмыльнулся Моня, – но больше чем четыреста не дам.

– Так, давай ее взад – разочарованно прошипел Витек, – я ее кому-нибудь другому продам.

Он протянул руку за цепочкой, но Моня отвел его руку.

– Кому ты ее продашь, балбес? – спросил он Витьку, – тебя тут же заметут менты и тогда тебе уже никакой судья не поможет. Понял?

Он хитро прищурил правый глаз, глядя на собеседника.

Витька поник и рухнул в кресло. Поролон под гобеленом уже давно был промят, так что посадка была жесткой. Он поморщился и замолчал.

– Есть, конечно, вариант, – произнес Моня, почесывая свою шевелюру. Он провел рукой по жестким торчащим во все стороны волосам, будто по язычкам пламени пробежался.

– Какой еще вариант? – устало спросил его Витек.

– Я дам тебе шестьсот рублей, но ты за это окажешь мне услугу.

– Какую? – в голосе Витька прозвучала нотка заинтересованности.

– У твоего деда есть пистолет «Маузер» еще с Гражданской войны, – продолжил Моня, заметив, как его собеседник встрепенулся.

– Есть, – утвердительно ответил Витек.

– Так, вот, – начал Моня развивать тему, – ты мне «Маузер», я тебе сейчас даю шестьсот, а за него еще добавлю тыщу. Идет?

Услышав названную сумму, которую в то время советскому инженеру и за год не собрать, Витька нервно заерзал задом в жестком кресле.

« – Что-то этот мошенник темнит», – подумал Витек, глядя на рыжего фарцовщика, а вслух спросил.

– Но это же уголовное дело. Так?

– Да какое там дело? – осклабился Моня, ухмыляясь, – оружие старое, дареное. Чего там?

– Так ведь он его за службу в Черноморском ЧК получил, – ответил Витек, боясь уже и продешевить.

– Тем более! – уверенно сказал Моня, – что же он жаловаться побежит? Он, поди, уже на ладан дышит.

– Дышит-то, дышит, – задумчиво ответил Витек, – только боязно как-то.

– Я тебя что, трусы заставляю снимать? – давил Моня, – Тебе же надо.

Витек представил себе кучу червонцев и «горчичников», и во рту у него пересохло.

« – Смогу и в Москву уехать, и в институт поступить, и от суда отмазаться» – подумал Витек, грызя ногти.

– Тебя судья от армии откосит, в Москву поедешь, а там, – Моня задрал голову и поглядел в потолок, – там новая жизнь, девочки. А?

– Да, – протянул Витька – сбылась бы мечта моей мамы, и стал бы я режиссером.

– Так что? – вернул его к действительности Моня. Договорились?

– Хорошо, – ответил Витька, – по рукам.

Когда хрустящие фиолетовые двадцатипятки, вырученные за цепочку, оказались у него в руках, он сладостно зажмурился.

– За Маузер расчет в «горчичниках». Понял? – спросил он Моню.

– Понял, – ответил рыжий, – все будет по сто рублей и в лучшем виде.

Витьке повезло. Через неделю дед его – участник Гражданской войны, бывший командир отряда ЧОНа и начальник Черноморского ЧК в конце двадцатых годов скончался от инфаркта. Он узнал, что его внук Витька, которого он баловал, как родного сына, был осужден выездным заседанием Приморского районного суда города Черноморска на два года условно за уклонение от воинской службы. Не прошло и двух дней после похорон деда, как Витька Вознюхин-Болотный (ведь покойный герой-чекист записал его по отчеству великого революционного и любимого своего поэта, потому как отца своего его внук не знал из-за провала в памяти его веселой матери) продал пистолет рыжему Моне и покинул родной Черноморск с надеждой покорить «Первопрестольную» и стать надежной опорой отечественного кинематографа.

Глава 4

Начать сначала

«...Вчерашний день – учитель при сегодняшнем...»

Публий

В окне купе мелькали деревья и холмы. Колеса послушно и мирно отсчитывали километры пути. Сергей Васильевич Шилов лежал на верхней полке и смотрел в окно. Поезд Черноморск-Черновцы шел не торопясь, увозя его от старых проблем к новой жизни. После неудачной попытки стать нужным на своей родине, он был вынужден уехать. Глядя вслед убегающим деревьям, Шилов пытался разобраться в себе и в том, что произошло, но ничего не получалось. Мысли путались, перескакивая одна через другую, словно подразнивая его. Наконец он понял, что лучше оставить это занятие, и просто отдохнуть. Глаза под мерный перестук колес все-таки закрылись и он заснул.

События последнего года были очень бурными. Не всякому человеку удастся пережить такое за столь короткий период времени. Смерть друзей, арест, тяжелая работа, резкий взлет и снова падение, увольнение с работы-все это кого угодно может выбить из колеи. Пытаясь сохранить свое финансовое благополучие, он чуть было не лишился собственной жизни. Так что ему было над чем, подумать.

Как только на заводе появился этот человек, Шилову многое стало понятно.

...Стало понятно, чего же они все ждали. За три дня до Нового Года утром на заводе появился Цымбал Анатолий Сергеевич собственной персоной. Больше издевки придумать не смогли. Он приехал уже с приказом на руках о своем назначении на должность руководителя предприятия. Тут же была созвана планерка, на которой он перевел исполняющего обязанности директора завода Шилова своим приказом в мастера, то есть попросту отстранил от работы. А всех присутствующих осыпал комплиментами и обещаниями все вопросы по зарплате решить за один месяц. Сразу же после этого он снова направился в районную администрацию. Изменить что-либо Сергею уже было не под силу. Он остался один. Нужно было искать выход из такого положения. Но где искать, Шилов пока не знал. На носу был Новый Год, а настроение было вовсе не праздничным. Приехав после планерки домой, Сергей прошел на кухню и поставил на плиту чайник. Жены и детей дома не было. Заварив чай и налив его в чашку, он присел за стол. Перебирая все возможные варианты, подумал о том человеке, что помог ему не просто избежать уголовного преследования, но вернуться на завод. Это был один из сотрудников службы безопасности Президента Андрей Гаркунов. Сергей взял в руки телефон и набрал его номер. Послышались гудки, а затем звонок просто сбросили.

« – Ну вот, – подумал Шилов, – и этот туда же, в кусты».

Бросив трубку на журнальный столик, он прошел в комнату, лег на диван и включил телевизор. Не успев нажать первый же попавшийся канал, он услышал тихий сигнал мобильного телефона. Подскочив, метнулся к нему и посмотрел на входящий номер. Это был звонок от Андрея.

– Аллю! Слушаю, – произнес Шилов.

– Увидел пропущенный звонок, вот и перезваниваю, – ответил Гаркунов. – Что случилось?

- Вы уже знаете новость? – спросил Сергей.
 - Ты о новом назначении Цымбала?
 - Да.
 - Знаю. Знаю и то, что теперь тебе прохода не дадут, – ответил Андрей.
 - Значит, мне надо уезжать, но куда. Нет ни места, ни работы, – произнес в ответ Шилов.
 - Да, уж... Хм-м... Надо хорошенько подумать, – пробурчал Гаркунов. – Слушай, а ты что-нибудь понимаешь в дереве?
 - Если только распилить дрова, то да, – усмехнулся Сергей.
 - Я имею в виду лесную промышленность. Есть тут одна мыслишка. В Черноморске есть человек, ему нужен тот, кто сможет организовать бесперебойную поставку пиломатериалов из Западной Украины. Что скажешь?
 - Пока не знаю, надо подумать, – ответил Шилов.
 - Хорошо! Давай после Нового Года и созвонимся. Хватит времени подумать?
 - Хватит.
 - Ну, с наступающим тебя!
 - Спасибо! И Вас также.
- Гаркунов повесил трубку.

Глава 5

*«...Ежели бы человек не желал, то и не было бы человека. Причина всякой деятельности есть желание...»
Толстой Л. Н.*

Кефир и «трешка»

В институт Вознюхину удалось поступить, благодаря природному таланту врать и изворачиваться, только вот с режиссерским факультетом пришлось повременить, не хватило ни ума, ни фантазии, но возможность манипулировать киношными софитами и тележками образовалось точно. Так что стал Витек с первых же дней учебы вести себя как завзятый и умудренный опытом поколений киношник.

Примерно через полгода обучения в канун первой сессии Вознюхин познакомился с сокурсником Панасом Подлешим.

Как-то зайдя в студенческий буфет, Витька привычно прошел мимо очереди толпящихся и галдящих надежд советского кино и, слотнув слюну, (деньги за «стыренный» «Маузер» уже давно были потрачены) направился было к выходу, как вдруг заметил сидящего за столиком и жующего котлету в тесте высокого нескладного парня. Тот с каким-то самозабвенным смаком запихивал в рот мясо-мучное изделие и запивал его кефиром. Одет он был очень просто и совсем не по погоде. Растянувшиеся рукава вязаного свитера напоминали два зоба от пеликана. Брюки были явно не по росту, то есть слегка не доставали до щиколоток, на босую ногу были натянуты жесткие ботинки с рваными шнурками.

Несмотря на удовольствие, с которым он поглощал пищу, вид у него был довольно хмурый и сосредоточенный.

« – Деревня», – подумал Витька, и смело направился к нему.

– Привет, – сказал он, усаживаясь напротив.

Парень нехотя посмотрел на него и на всякий случай он подвинул стакан с кефиром к себе ближе.

– Слушай, тут вот такое дело, – начал Витька, – ты участвовал хоть раз в акции?

– Какой еще акции? – переспросил парень, перестав жевать.

– Акция такая, – Витька придвинул стул поближе к столу и положил руки на столешницу, – вкладываешь рубль, а получаешь через два дня три.

– Шутишь? – удивился парень.

– Нет, не шучу, – Витька изобразил серьезность на своем лице. – Все просто, как гениальное. Ты сейчас вручаешь мне рубль, а я тебе через два дня вручаю три.

– Хм-м, – ухмыльнулся парень. – Ты еще скажи, что через неделю можно будет и червонец забрать.

– Э-э, нет, – Витька откинулся на спинку стула, – операция рассчитана на два дня и три рубля.

– А если повторить, – задал вопрос парень, возобновляя процесс жевания.

– Ну, не знаю, – задумчиво протянул Витька, – мне об этом начальник отделения депозитов в сберкассе ничего не говорил.

– Так ты что же, через сберкасу это делаешь? – спросил парень.

– Ну, не могу я тебе всего рассказать, – загадочно ответил ему Витька, – хотя, как я посмотрю, то тебе можно доверять.

– Ладно, – согласился парень, – я дам тебе рубль, только чтобы через два дня вернул обещаное.

Он пошарил рукой в кармане брюк, вытащил оттуда металлическую монету достоинством в один рубль и бросил ее на стол. Монета покружилась немного и стала заваливаться. Витька протянул было руку, но парень его опередил и прихлопнул ее к столу огромной ладонью, прижав Витькины пальцы.

– Вот что «зема», – произнес парень, – зовут меня Панас по фамилии Подлеший.

– Я-я... Витя, – промямлил Вознюхин, морщась от боли.

– Так вот, Витечка, – прошипел Панас, наклоняясь к нему и дыша котлетной отрыжкой в лицо, – не медли особо с возвратом. Понял?

Панас убрал руку, и монета перекочевала к Витьке.

– Хорошо, – ответил Вознюхин, – через два дня здесь же.

Два за один

Через два дня примерно в то же время Панас сидел за тем же столиком и увлеченно поглощал такую же котлету и даже с кефиром в ожидании своей «трешки».

Как ни в чем ни бывало, в буфет зашел Витька Вознюхин. Легкой походкой он подкатил к своему кредитору и вальяжно уселся на стул напротив него.

Панас вопросительно посмотрел на него.

– Ну? Принес.

– Принес ли? – переспросил его Витька.

– Ты чего дурака валяешь? – медленно закипая, спросил его Подлеший.

– Спокойно, маэстро, – остановил его Витька жестом руки, – Предлагаю следующее.

– Что? – зарычал Панас, – где моя «трешка»?

– Так и я ж об этом, – краснея, ответил ему Витька, – Давай так. Ты мне сейчас даешь три рубля...

– Что? – сжал кулаки Панас, чуть не подавившись котлетой.

– Дай мне договорить, – уже без уверенности в голосе проговорил Витька. – Так вот ты мне сейчас даешь три рубля, я тебе возвращаю два и остаюсь должен четыре. Идет?

От такого предложения у Панаса перекошило лицо, а котлета и вовсе прилипла к зубам так, что и ни туда, и ни сюда.

В общем Подлеший просто поперхнулся от такой наглости. Не обращая внимания на толпу, что их окружала, Стас ухватил стакан с кефиром и плеснул его Витьке в морду лица.

Но поскольку Витька был охочь до чужих денег, но не особо радовался разборкам, то был готов к такому повороту событий и ловко увернулся от тягучей и белой струи кефира. Этот заряд бодрости советских «студере» пролетел мимо и, шлепнувшись на пол, растекся большим и жирным пятном.

Витька же, недолго думая, вскочил со стула, но не рассчитал и попал ногой прямо в эту жирную кляксу. Вывернув совершенно невероятный пируэт кверху ногами, он оказался на грязном бетонном полу. Студенты их окружавшие ринулись в разные стороны, как мухи, согнанные хлопущей.

Тут уж и Панас выказал чудеса акробатики. Он ловко перекинул свое тело через столик и, подхватив Витьку за горло, приподнял его на ноги. Раздался громкий ...«пук!». Витька сконфуженно покраснел, болтая в воздухе ногами.

– Ты чего это? Набздел что ли? – спросил его Панас, отпуская его горло.

Студенты вокруг засмеялись.

– Ты чего это? А? – еще раз спросил Панас Витька, почуяв неприятный запах, окончательно выпуская свою жертву из рук. Вознюхин бревном снова завалился на пол в ту же лужу, но уже задом.

Все вокруг разразились диким хохотом.

– Ты, придурок, – прошипел Панасу Витька.

– Вставай, директор сберкассy, – рассмеялся Панас, – считай, что «трешку» ты уже отработал.

Глава 6

*«... У кого много пороков, у того много и повелителей...»
Петрарка Ф.*

«Шар» со звуком – вербовка

Не то, чтобы у них она сложилась, скорее, случилась эта дружба. Скорее даже желание нагадить или напакостить коллегам, хотя периодически они это проделывали и друг с другом, выдирая при этом волосы и оставляя синяки на физиономиях.

Чаще всего побеждал в этом Панас, особенно, если был трезвый. В противном случае Витьке удавалось надавать ему пинков и расцарапать морду. Странно укрепилось это нервное согласие после того, как по приглашению Подлешего, Витька приехал к нему в Харьков погостить, отметить окончание своей учебы.

Дивным летним вечером молодые специалисты от кинематографии решили посидеть в каком-нибудь ресторане, но все места оказались заняты, и они, оскорбившись на советский общепит, набрали водки, докторской колбасы (благо тогда в нее не добавляли туалетной бумаги), и, ввалившись в квартиру молодого режиссера Подлешего, расположились на кухне.

Через какое-то время во входную дверь тихо постучали. Панас, услышав этот звук, лихо подскочил с табурета и, покачиваясь, словно корабельная мачта, направился открывать.

– Панас! Привет, – раздался в прихожей женский голос.

– Я еще вчера увидела тебя, хотела зайти, да не получилось.

– Привет Зюечка! – пробасил Панас, – проходи ты как раз во время.

Зоя, миловидная девушка лет двадцати с веснушками на белом лице ямочками на щеках, рассмеялась такому гостеприимству, и смело прошла на кухню, оправляя светлый сарафан на полном теле, который при каждом движении хозяйки старался оголить ее колени.

– Ба, да ты не один! – воскликнула Зоя, кокетливо кося голубые глаза на Панаса, – ты меня представишь?

– Кхм-м, – кашлянул Панас в кулак, закрывая своим телом дверной проем, – Знакомься это Виктор!

– Очень приятно! – Зоя сделала шутливый реверанс.

– Мне тоже очень, – пробормотал Виктор так и не удосужившийся привстать в присутствии дамы и спешно запихивающий кусок колбасы в рот.

Панас, на правах хозяина, достал из серванта еще одну рюмку и налил в нее водочки.

– Что ж, со свиданьем, – Зоя лихо хлопнула водки.

– Ну да, ну да, – проговорил в ответ Виктор, пожирая ее глазами.

« – До чего же хороша фактура», – подумал Вознюхин, выдыхая после пропущенной рюмки.

– Значит, вы утверждаете, что она сама к вам приставала. Так? – следовательно равнодушно задавал вопросы и полученные ответы исправно и методично записывал в протокол.

Вознюхин сидел напротив него на жестком стуле, сжав колени, и теребил пуговицу на рубашке, глядя в пол.

События прошедшей ночи, точнее, последствия, выбили его из колеи. А так все хорошо начиналось. Пришла соседка Панаса Зоя, они выпили по рюмашке потом еще и еще. Зоя все время смеялась, Подлеший травил анекдоты. Потом он отвел ее в спальню. Минут через двадцать вышел и предложил занять его место Витьку.

« – Ох, ну зачем же я пошел? – думал про себя Виктор, – вот не пошел бы, и все было по-другому».

Увидев обнаженное тело Зои, у Виктора стало часто стучать сердце.

Казалось, что оно подкатило к горлу и бешеными толчками пыталось вырваться наружу. На глаза, словно пелена упала, они стали вылезать из орбит, тело покрылось холодным липким потом, лицо покраснело. Мозг, одурманенный алкоголем начал рисовать вожаемые картинки совокупления. Он неровной походкой подошел к кровати и протянул руки к Зое.

Девушка при виде Витька перепугалась и попыталась натянуть на себя простынь, но он резким рывком сорвал с нее бледную защиту и навалился, подмявая ее под себя.

Из протокола допроса потерпевшей.

«... У него было такое ужасное лицо, что я сильно испугалась и начала кричать. Особенно после того, как он, помахав своим обрезком, держа его в руках, навалился на меня и стал душить. Руки у него были мокрые и холодные, как у жабы. Я начала вырываться, а он ухватил меня за уши и норовил вытворить непотребное. Вырваться мне удалось и, в чем мать родила, я побежала из квартиры. В коридоре столкнулась с Панасом, который смеялся и пытался меня удержать, но я ему врезала ногой в пах, и он скрючился. В совершенно голом виде уже на лестничной клетке меня увидела соседка, и мы вызвали милицию».

Следователь внимательно посмотрел на Вознюхина.

– Вы подтверждаете, что пытались изнасиловать девушку или по-прежнему будете упорствовать? – спросил он Витька.

– Я, я... – промямлил Витек.

– Что, я? – строго спросил следователь.

Витька заплакал.

– Гражданин следователь, – сквозь слезы прохлюпал Вознюхин, – я больше не буду.

– Ну да? – с сарказмом спросил следователь. – Что ж мне вас понять и простить? Вы знаете, сколько вам светит?

– Нет, – ответил Витек, размазывая сопли по губам руками.

– От трех и выше, – спокойно сказал следователь.

– Ой, мамочка – только и прохрипел Витек.

– Так-то вот, – сказал следователь, вставая, – вы тут пока посидите, я сейчас приду.

Прошло минут пять, и он снова вернулся в кабинет с какими-то бумагами и уселся на свое место. Стул предательски скрипнул от неловкого движения Вознюхина, следователь повел носом, поморщился, но ничего не сказал, только встал и, подойдя к окну, открыл его пошире.

– Вот что, гражданин режиссер, – произнес он тихо, поворачиваясь к Вознюхину, – моим руководством на основании заявления вашей матери с просьбой о помощи, что предусмотрено соглашением о секретных сотрудниках, и славном прошлом вашего деда, принято решение...

Витька весь напрягся и помотал головой, явно ничего не соображая.

– Так, вот, – продолжил следователь, – вы сейчас подписываете с нами соглашение о секретном сотрудничестве, мы в свою очередь закрываем это дело, тем более, что дама эта, – он кивнул на стол, указывая на папку с уголовным делом, – весьма легкого поведения. Вы согласны?

– Да, да, согласен, – Витька глотнул слюну. – Давайте, я все подпишу.

– С вами свяжутся, когда это понадобится, – произнес следователь, пряча подписанную бумагу в сейф, – Вам присвоен агентурный псевдоним «Шар», уважаемый Виктор Демьянович Вознюхин-Болотный. Вы свободны!

Виктор Демьянович подскочил со стула и бросился пожимать следователю руки.

– Спасибо, спасибо вам, – тараторил Вознюхин. – Я больше никогда и нигде!

– Будет вам, милейший, – брезгливо вытирая руки носовым платком, сказал ему следователь, – а вот Панасу придется туговато.

Вознюхин перестал выражать свое отношение к происходящему и застыл в немой позе с протянутой рукой. А про подельника-то он и забыл!

– А что с ним не так? – поинтересовался робко удачно освобожденный.

– Он отказался подписывать документ, – ответил следователь, откидываясь на стуле.

– И что теперь? – испуганно спросил Витек.

– Да ничего, – ответил следователь, – дело ваше, как и обещал, мы спустим в архив, вас ждет удачная карьера, а вот ему придется навсегда забыть о кинематографе.

Глава 7

«...Одно сегодня стоит двух завтра...»

Франклин Б.

Живи и думай

Сразу после Православного Рождества Шилов приехал в Черноморск. По указанному адресу его уже ждали. Приняли достаточно радушно (великая вещь – рекомендация) и, после подробного инструктажа, предложили тут же и выехать в командировку. Позвонив и обрадовав жену, Сергей уехал. И вот теперь, направляясь на место новой работы, он заснул под мерный стук колес поезда.

После целого года скитаний по лесхозам в Карпатах, Шилов принял решение окончательно переехать на Украину и принять гражданство этой страны. Продав дом, он вместе с семьей обосновался в благословенном городе Черноморске. Здесь все приходилось им всем вместе начинать сначала. Знакомых было очень мало, да и обращаться к ним было бесполезно – времена, как и нравы, изменились. На вырученные от продажи дома деньги они смогли купить плохонькую «трехкомнатную» квартиру в самом захудалом районе города. Но, несмотря на это, они были счастливы потому, что все думали – закончилось время переживаний и опасений. Жена первой нашла работу, устроившись экономкой к одной бизнес-леди. Ведение хозяйства для нее было делом привычным, так что это ее пока вполне устраивало. Сергей нашел себе занятие чуть позже, но тоже по душе. Его пригласили работать на лакокрасочный завод, восстанавливать систему снабжения внутри предприятия. Сама система ему была хорошо знакома, так что особых трудностей он не испытывал. Старший сын перевелся в политехнический институт, младший пошел в последний класс одной из черноморских школ. Жизнь потихоньку налаживалась. Около года Шилов проработал на том предприятии, но склад его ума и характера не позволяли ему все время оставаться в тени. Энергии было хоть отбавляй, и он подался в частный бизнес. Около полугода занимался куплей-продажей подсолнечного масла, да кризис грянул. К тому времени он с семьей уже купил дом на окраине города, правда, частично в кредит. А поскольку его необходимо было выплачивать, то пришлось заняться поисками дополнительного заработка. Совершенно случайно он наткнулся на объявление по найму менеджеров в одну из строительных фирм, что занимались отделкой объектов мрамором. После удачного собеседования его приняли на работу начальником одного из участков. Продав свою фирму, Сергей стал заниматься строительством, благо образование ему это позволяло. Так прошло три года. Сидя однажды в предновогодний вечер за столом, жена спросила:

– А ты не хочешь написать книгу о том, что со всеми нами произошло?

– Честно говоря, я и сам об этом подумывал, – произнес Шилов, попивая чай. – Да только кому это нужно. Завод разрушен, все кто был у власти, все еще при ней, люди разъехались. Просто не знаю, что и сказать.

– А ты все же напиши, – настаивала жена. – Глядишь кому-то и станет это интересно, да и документы, что ты припрятал, тоже могут еще пригодиться. Сколько веревочке не виться, а конец у нее все равно есть.

– Что ж, быть по сему, – сказал Сергей, – напишу, а там посмотрим.

Сразу после праздников он сел за написание книги, благо руководство фирмы определило, что лучше две недели после Нового года всем отдохнуть. Произведение получилось чем-то средним между публицистикой и детективом, но семья одобрила, так как все были действи-

тельно удивлены и самим фактом написания и тем, что именно их отец и муж смог это сделать в доступной форме. Но предполагая предвзятое отношение семьи к самой книге, Шилов стал подумывать над тем, кому бы дать ее прочесть и услышать здоровую критику до того, как ей займется профессиональный редактор. И тут он вспомнил о Гаркунове. В конце января он решил ему позвонить.

– Рад слышать ваш голос, – произнес Андрей совершенно искренне. – Я так понимаю, что что-то произошло?

– Именно. Я книгу написал, – произнес в ответ Сергей.

– А я всегда подозревал, что что-то подобное должно произойти, – было слышно, как голос на другом конце рассмеялся.

– Хочу отправить вам экземпляр, чтобы убедиться в реальности происходящего, а заодно и услышать здоровую критику.

– Что ж, давайте, я готов прочесть вашу работу. Записывайте мой электронный адрес, – произнес Андрей. – По прочтении обязательно перезвоню.

Записав под его диктовку адрес почты, Шилов пообещал вечером отправить ему копию. Через две недели Собеседник перезвонил.

– Что ж. Для первой пробы пера очень даже хорошо, – сказал он, – Я завтра буду в Черноморске, есть повод встретиться. Что скажете?

– Спасибо, я готов, – ответил ему Сергей.

Встретились они в кофейне «Жето», что расположено по улице имени великого поэта. Пожав друг другу руки, Шилов и Гаркунов, присели за столик в самом углу зала.

– А вы совсем не изменились, – проронил Андрей, глядя на Сергея. – Даже выражение лица то же.

– Спасибо, но и вам грех жаловаться, – улыбнувшись, ответил ему Шилов. – Может сразу к делу?

– А дело тут, вот какое, – продолжил Гаркунов, – назревают очень серьезные перемены в республике. Причем они коснутся всех уровней власти, силовых структур и административного ресурса. Инициатором этого процесса выступил Президент. Он же и будет курировать этот процесс. Информация пока закрытая. Планируется грандиозная чистка. И, чего скрывать, поводом к этому послужила ваша книга. Она была серьезно проанализирована специальным подразделением. Выводы, что легли на стол Президенту, были неутешительны.

– Вы мне льстите, только не пойму, зачем? – Шилов криво усмехнулся. – Может кому-то хочется думать, что это просто игра?

– В том-то и дело, что все понимают, – это не игра, – тихо произнес Гаркунов. Дело пахнет грандиозным скандалом.

– И, что же? – спросил Сергей.

– А то, что Президент поручил мне передать Вам глубочайшие извинения, но самое главное – это его просьба.

– Он хочет меня о чем-то попросить? Странно. Это не может закончиться хорошо, – пробормотал Шилов.

– Ну, не преувеличивайте, Сергей, – сказал Гаркунов, – Это все лишь предложение. Не более того. Хотя и очень выгодное. Президент предлагает Вам возглавить для начала сахарно-спирткомбинат.

Сергей широко раскрыл глаза от удивления.

– Да, я понимаю, завод разобран и тому подобное, но Вам создадут все условия, в том числе и финансовые, чтобы все получилось, – продолжал напирать Гаркунов.

– Но у завода раньше была своя земля, а теперь ее нет, – ответил ему Шилов.

– Этот вопрос сложный, конечно, но решаемый, – собеседник Сергея откинулся на спинку дивана.

К столу подошла официантка и поинтересовалась заказом.

– Ну-с, что будете заказывать, – голос Гаркунова стал игривым. Сергей отметил эту перемену про себя, но ничего не сказал.

– Будьте любезны, мне, пожалуйста, только эспрессо, – сказал он, обращаясь к официантке.

– Я тоже буду, что и он, – сказал ей Гаркунов.

Девушка ушла. Воцарилось молчание. Сергей подумал о том, что их разговор все же записывается. Его собеседник в это время рассматривал меню.

– И когда вы ждете от меня ответа? – спросил Шилов, нарушая молчание.

– Завтра, самое позднее, послезавтра, – ответил ему Гаркунов, отводя взгляд от меню.

– От чего такая спешка? – удивился Сергей. – Вы хотите использовать меня в качестве свидетеля на судебных процессах? – задал он прямой вопрос.

Андрей такого поворота не ожидал и не сразу нашелся с ответом.

– Я не буду свидетелем нигде. На это можете не рассчитывать, – отрезал Шилов, заметив замешательство Гаркунова. – Что же касается моего ответа, то вы его получите только после выполнения определенных условий.

– И каких же? – вяло спросил Андрей.

– А вот это я смогу вам сказать послезавтра.

Официантка принесла заказ, но Сергей попрощался, сославшись на неотложное дело, и ушел.

Глава 8

«...Жизни верь, она ведь учит лучше всяких книг...»

Гёте И.

Выбор в отказе

– Что ты надумал? – спросила жена, протирая полотенцем посуду. – Вернешься?

– Думаю, что в одну реку нельзя войти дважды, – ответил Шилов, потягивая утренний кофе, сидя за столом на кухне.

– Надеюсь, ты помнишь, что нам пришлось пережить? – продолжила она, – я бы не хотела вновь к этому возвращаться. Да и врагов у тебя там меньше не стало.

– Знаю, – сказал Сергей.

Жена подошла к нему и положила руки ему на плечи.

– Все же будь осторожен. Я понимаю, ты хочешь всем доказать то, что с тобой необходимо считаться. Помни только одно, – у тебя все-таки семья. Мы тебя любим. Не делай больше ошибок. Очень тебя прошу.

Шилов повернулся к ней лицом сидя на табурете и обнял ее за талию. Подняв голову и глядя ей в глаза снизу вверх, произнес:

– Могу сказать только то, что сделаю все для того, чтобы ты не переживала. Все будет хорошо.

Наутро Сергей позвонил Гаркунову.

– Что так рано, – его охрипший голос выдал то, что он спал и не ожидал столь раннего звонка.

– Надо увидеться, – вместо приветствия сказал Шилов, – Есть что обсудить. Сегодня в том же кафе в двенадцать.

– Я буду непременно, – ответил ему Андрей.

День выдался облачным и морозным, но выезжая на встречу с Андреем, Сергей оделся довольно легко. Сидя в машине в ожидании того, что двигатель прогреется, подумал о том, что неплохо было бы в этом году подрезать яблоню и сливу. Уж больно разрослись.

Обороты двигателя упали, он выехал из гаража.

Подъехал к кафе точно к двенадцати. Гаркунов был уже там и поднялся ему на встречу.

« – Интересная позиция, – подумал Сергей, – встал мне навстречу. Значит дело и впрямь серьезное».

Протянув ему руку, присел к столу напротив Андрея.

– Я уже заказал кофе, а то в раз никто из нас его и не попробовал, – сказал Гаркунов, улыбаясь.

– Не буду извиняться. Просто не ожидал такого предложения. Можно сказать, что вы застали меня врасплох, – ответил Шилов.

Официантка принесла кофе. Помешивая ложечкой кофе, Андрей спросил его:

– Вы уже сформулировали свои условия?

– Условий нет, – ответил ему Сергей, – я не поеду.

– Да, – разочарованно протянул Гаркунов. – Значит, не поедете? Этого мы не предусмотрели, а там и жилье для вас уже готово.

– Значит, вы были уверены в том, что я соглашусь? – Шилов удивленно поднял брови.

- Мне деньги платят за хорошо проделанную работу, – горько усмехнулся Гаркунов.
- Что ж, мне жаль вас разочаровывать, – ответил ему Сергей, – но будет так, как будет.

Я не еду.

Шилов встал и, попрощавшись с Гаркуновым вежливым кивком головы, вышел из кафе.

« – Снова кофе не выпил, – улыбнулся Сергей про себя, – а и ладно».

Глава 9

«...Где, когда и кому, милый мой, удавалось до потери желаний себя ублажить?...»

Омар Хайям

Как витька директором стал

– Татьяна, – воскликнул Вознюхин, вваливаясь в кабинет директора Черноморской кинофабрики, – у меня есть к тебе отдельный разговор.

– Витя, – Татьяна Васильевна Неворская оторвалась от бумаг на столе и посмотрела поверх очков на начальника цеха съёмок, – ты меня уже задолбал. Что тебе еще?

– Знаешь, по-моему, момент уже назрел, – ответил Виктор Демянович, усаживаясь напротив и не обращая внимания на откровенно грубый тон директрисы.

– Какой еще момент? – переспросила Неворская, снимая очки. Женская интуиция, которая ее иногда подводила в самый неподходящий момент, на этот раз подсказывала ей, что разговор с Вознюхиным окажется не просто отдельным, но очень даже не простым.

– А тот, про который писал еще наш вождь, царство ему небесное – Виктор Демянович поднял глаза в потолок. – Это когда верхи не могут, а низы не хотят.

– Ну, верхом тебе не грозит, потому что только низом и работаешь. И кого на этот раз ты хочешь поменять? – горько усмехнулась Татьяна Васильевна.

– Понимаешь, какая штука, – Вознюхин подался вперед и громко зашептал, – Мстиславка Купий со своей сворой считает, что твое назначение директором стало их большой ошибкой. Так, может, ты сама напишешь заявление об уходе? А?

– Вот что я тебе на это скажу, – произнесла Татьяна Васильевна, вновь водружая очки на нос и принимаясь за бумаги. – Ты посмотри на это проще.

– Это как же? – удивился Вознюхин прохладному и не нервному тону начальницы.

– Ну, например, с точки зрения западно-европейского анус-лизинга, о котором так любил говорить О. Бендер, – усмехнулась Неворская.

– Не понял, – пролепетал Вознюхин, выпучивая глаза от напряжения мозгов.

– Пошел ты в жопу, идиот! – закончила Татьяна Васильевна с прямоотой, присущей только советской интеллигенции. – А когда дойдет до тебя, то и дверь за собой закрой. Понял?

Надо ради справедливости заметить, в то время и впрямь союз кинематографистов, которым руководил Мстислав Купий, упомянутый выше, инерционно мог влиять на назначения, время от времени происходящие на Черноморской кинофабрике. Татьяна Васильевна Неворская, женщина бальзаковского возраста, считавшая себя наследницей интеллигентских устоев советских рабоче-крестьянских времен, получила этот пост именно благодаря таким интригам и доносам.

Общество кинематографистов, что обустроило себе гнездо на кинофабрике, не устраивала кандидатура ее предшественника Мамалыгина, которого вся «братия от софитов» считала мудаком и вором, хотя таковым он и не был. Ну, может, приворовывал иногда, но делал это всегда осторожно и с оглядкой, не подпуская к своим делишкам никого, но и никому не мешая. Видимо это и задело. А, как известно, добрые дела никогда не остаются безнаказанными. Так и Мамалыгин поплатился за то, что не написал доноса на одного из уж очень уважаемых режиссеров, после того как заметил последнего за неосторожным приворовыванием музейных экспонатов. В ответ получил целую компанию по ликвидации себя, как директора. В этой комби-

нации принимала участие и Татьяна Васильевна, поверив посулам Мстислава Купия. Дельце это они лихо обтяпали, но на беду Неворской об всем этом узнал Вознюхин и не приминул этим воспользоваться с пользой для себя любимого.

Лихо и, даже, ловко шантажируя Татьяну Васильевну, потомок доблестного чекиста не помнящий родства, вырвал для себя сначала должность начальника цеха съёмок, а затем ложным доносом в известные органы довел до инсульта начальника подразделения осветительной техники. Вознюхин сильно возалкал еще транспортом кинофабрики завладеть, но тут его посетила совершенно гениальная до простоты идея: « – А почему бы мне совсем директором не стать и все захватить?»

Справиться с этой задачей с налету ему все же не удалось.

Но отказ Неворской освободить выстрадавшее в мечтах место только подхлестнул Вознюхина. Зная слабенькие страсти коллег, он быстро сгруппировался с сообществом, и антантовскими усилиями им удалось Неворскую вытащить из этого кресла и вытолкать взащей со студии вообще. Но на пути Вознюхина к вожделенной цели стала Ядвига Брониславовна Венерко, что работала на кинофабрике заместителем Татьяны Васильевны и наблюдавшей за играми Виктора Демьяновича со стороны, до поры не вмешиваясь в свару.

Ядвига была женщиной умной и сильно расчетливой не по годам. К тому времени, как Неворская покинула киностудию ей исполнилось всего сорок пять, а это, как известно, для женщины вовсе и не возраст, особенно если внутри, даже не важно, насколько глубоко, есть клубничка. В смысле ягодка.

Пока Виктор Вознюхин совершал марши с демаршами, строил как крот подкопы под Неворскую, г-жа Венерко, используя свои благородные связи с целым и генеральными директором киношного департамента Алексеем Николаевичем Прядко, задумала сама согреть своим телом, оставшееся пустым кресло предводителя.

Дело в том, что именно ему, директору департамента, и поступали доносы от сообщества на Неворскую. Поэтому он хорошо знал, что и кто пишет.

Короче говоря, вместо Татьяны Васильевны к удивлению и сильному разочарованию Вознюхина директором Черноморской киностудии была назначена именно Ядвига. У этой небольшого роста женщины была достаточно светлая голова, хоть и пользовалась она перекисью водорода для окрашивания волос.

С первого дня она поставила перед собой две задачи: реорганизовать кинофабрику, сделать ее частной, и избавиться от надоевшего ей начальника цеха съёмок.

Ей бы с последнего не начинать. Виктор Демьянович, просто уже обозленный ее назначением, стал собирать любой, даже мало-мальский компромат на нового шефа в юбке.

Через полгода у него было целое досье на нее. В нем было все: от времени сколько та провела на рабочем месте, до того сколько и даже с кем она спит.

А вот эти полгода Вознюхину помог удержаться на свою голову (ибо Витек никогда не прощал доброго к себе отношения) его тогдашний товарищ и друг, режиссер по призванию, Анатолий Тарасов. Он-то и уговорил директрису оставить Витьку в покое, заткнув ему пасть каким-нибудь проектом. Так что работал Виктор не покладая рук и досье собирал, и кино снимал. Неугомонный наш.

Оставив на время мысль об избавлении от Вознюхина, Венерко вместе со своим патроном Прядко занималась правильной в ее понимании реорганизацией кинофабрики. Вместе им удалось найти большого и серьезного мецената от металлургии г-на Летуту, что был далек от киношного процесса, но всегда ценил искусство как таковое. Благодаря этому союзу кинофабрика стала акционерной. Вняв обещанием о скорых прибылях, изложенных на бумаге, г-н Летута инвестировал в резкий подъем киностудии несколько десяточков миллионов.

Ядвига, как всякий нормальный человек от шоу-биза, вышедший из советской эпохи, увидев деньги, о которых она и не мечтала, просто обалдела. Нет, она, конечно, тратила их,

и на студию тоже. Но ее просто понесло. Дорогие машины, вещи себе и возлюбленным, поездки на фестивали и просто за кордон, сделали ее надменной и вечно отсутствующей по важным делам директрисы. А Витя все собирал свое досье, продолжая снимать кино.

Кино-проект, в который Вознюхину удалось влезть, был очень странным, как и само его название «Страсти по Альфреду», благодаря которому ему удалось, как цельному режиссеру избавиться от своего продюсера Валеры Павлова. Продюсер тот был его большим на время другом, но именно в этой связи обанкротился и сел в долговую яму на восемь лет. Виктор Демьянович без всякого сомнения фильм доснял, деньги, сэкономленные враньем и приворовыванием, уложил себе в карман, а законченную картину со спокойным сердцем положил на полку и забыл.

Как всякому хорошему приходит конец, так и Венерко, женщина с умной, но крашенной головой, поняла, что и к ней он тоже скоро придет. Однако было поздно.

Поумневший Вознюхин изменил в своих доносах адресата и строчил их уже инвестору. Г-н Летута не мог это долго игнорировать, и в один прекрасный день на Черноморскую кинофабрику приехала большая и серьезная комиссия.

По результатам проверки г-жа Венерко потеряла-таки пост директора. Алексей Прядко прятался за тенью очередного магната от искусства, но ни ту, ни другого эти обстоятельства не избавили от обязательной выплаты растраченных денег, которые судя по всему, они до сих пор и отдадут.

Вознюхин ликовал. Несмотря на долговые обязательства, Прядко все же был чиновником от кино и с его мнением считались, но тут вмешались в дело звезды. Всем кому было предложено совсем свободное кресло директора, отказались от него самым странным образом, и кандидатура Виктора Демьяновича всплыла на поверхность отечественного кинематографа.

После тихого представления нового руководителя, которое прошло крайне скоропалительно, Вознюхин вошел в кабинет и огляделся.

« – Теперь это все мое!», – подумал Виктор Демьянович.

Он прошел к столу и бросил свое тощее тело в кресло, закинул руки за голову и сладко потянулся. Взгляд его упал на столешницу, на которой одиноко лежал голубой конверт.

Вознюхин взял его и прочитал адрес. Письмо было из-за границы, и почерк отправителя показался ему знакомым. Резким движением Виктор Демьянович вскрыл конверт и, нахлобучив очки на нос, стал читать. За этим сокровенным процессом его застала секретарша, доставшая ему от Венерко. Не ожидая ее появления, Вознюхин вздрогнул, но пятна, что покрыли его лицо, скрыть ему не удалось. Он нервно бросил письмо на стол.

– Кто это принес сюда? – заорал Вознюхин.

– Я, конечно, – ответила секретарша, по привычке подходя к столу и читая письмо.

Вознюхин рванул бумагу к себе и, скомкав, бросил ее в урну.

– Вы уволены, – заорал он на секретаршу. – Вон отсюда!

Виктор Демьянович вскочил и указал своей худенькой ручечкой сотруднице на дверь. Та выскочила из кабинета, заливаясь на ходу слезами.

Новоявленный директор снова упал в кресло и посмотрел в мусорное ведро. В полумраке стола конверт, казалось, голубел еще ярче. Не выдержав напряжения и переживаний, что нахлынули на него, Вознюхин наклонился и достал почтовую бумагу. Развернув и разгладив ее на столе, он стал внимательно вчитываться в текст письма. Напряжение все не спадало, и он устало откинулся в кресле. Наконец он со злой решимостью ухватил бумагу и стал рвать ее на мелкие клочки, разбрасывая их вокруг себя.

« – Я тебе покажу еще, – зло бормотал Вознюхин, глядя прямо перед собой словно замороженный, – Ишь, ты спрашивать меня удумал, продюсер хренов, зачем я это сделал! Сделал и все тут!»

Завершение одного процесса не всегда означает начало другого

Дела у директора Вознюхина шли не очень важно. Сверху давило начальство, требуя постоянных денежных поступлений (зря, что ли его назначили директором целой киностудии?) – назвался груздем, полезай куда хочешь, но шляпу полную принеси. Сотрудники отбивались от рук, и держать их в узде стоило больших нервов. Но желание все время что-то красть ему в этом помогало. Он собирал со всех мзду за свои «услуги». Не стеснялся отобрать и пять долларов с каждого работника с двадцати пяти заработанных. Съёмочные группы, что приезжали на готовые съёмочные площадки Черноморска, старались обходить стороной киностудию. Ведь стоило только заикнуться о том, что нужен съёмочный павильон, как можно было смело сказать (и даже ощутить на деле), что деньги просто потеряны.... Механизм отъема финансовых средств у заезжих киношников был отработан у Вознюхина до совершенства: как только договор был подписан, как через неделю менялись условия в сторону повышения оплаты, и администраторы, которые успели внести изменения в план съёмок (со всеми вытекающими), попадали в волну шантажа и были вынуждены платить больше, но уже не студии, а вознюхинской маленькой компании, что сидела рядышком на студии, но никому не была видна.

Планерки, что он старался проводить ежедневно, имели только одну цель: заметить и отметить то, что еще не украдено, и отобрать немедленно. Так с киностудии стали исчезать металлоконструкции, затем очередь дошла до трансформатора, который вдруг перестал работать, а позже стали пропадать и силовые провода по всей территории.

Охрана сбилась с ног, разыскивая украденное, но ничего не могла сделать. Но Вознюхин не останавливался и, предъявляя «справедливые» претензии к сторожам, он вешал на них все возможное, и получал компенсацию за утраченное имущество. В поле его зрения попадало почти все, что плохо лежало. Не обходил своим вниманием директор и арендаторов, регулярно требуя повышения платы. Постепенно их количество по понятным причинам стало сокращаться.

Однажды утром в субботу, когда на студии был официальный выходной, и один из арендаторов по имени Захар Виннер, что занимал автомобильные боксы, приехал к себе в мастерскую. Проехав по аллее, он заметил, как двое из рабочих-строителей вытягивают какой-то кабель из скрытого под землей приямка.

« – Надо бы директору позвонить», – подумал Захар и, набрав номер Вознюхина, сообщил ему о происходящем. Сделал он это совершенно напрасно, но так уже случилось.

В понедельник его вызвал к себе в кабинет Вознюхин. Захар, ни о чем не подозревая, вошел в ожидании благодарности за своевременное предупреждение. Каково же было его удивление, когда директор, вскочив с кресла и покрывшись багровыми пятнами на лице, стал бегать по кабинету и кричать о том, что он с таким трудом тянет этот воз ответственности и прочее.

Ничего не понимая, Захар все же вставил свои пять копеек, пытаясь выяснить, что же случилось, но Вознюхин не останавливался. Наконец он выдохся и бросился в кресло, резко покраснев лицом, словно от конфуза. Захар присел напротив и ему почудился какой-то странный запах.

– С сегодняшнего дня аренда за боксы повышаются на сто долларов, – прохрипел Вознюхин, почесывая нервно кадык.

– Это с какого-такого боку? – удивился Захар. – Вы же сами говорили, что в течение года аренда не изменится.

– Я такого говорить не мог, – глаза-буравчики устремились в потолок, будто Викто Демьянович чему-то внимал сверху.

– Вот это, да! – удивился Захар, – так что же мне надо было вас на диктофон записывать что ли?

– Пишите куда хотите! – устало, но насторожено ответил Вознюхин, – пока я тут директор, будет так, как я сказал. Разговор окончен.

Захар кинулся было к Денису Серье, странному малому, что был в «замах» у Вознюхина и сделал за умеренную плату ему «протезе» по аренде, но тот только руками развел. С того самого дня все и началось, сначала повысили арендную плату, затем вдруг увеличили и цену на электроэнергию и воду. Бизнес Захара стал тихо затухать. Дело шло к зиме. Однажды во время очередного обхода Вознюхин изменил маршрут и зашел к Захару в гости. Сказать, что Виннер обрадовался этому, было нельзя.

– А что это у вас на полу ключики валяются, – ехидно спросил Вознюхин.

– Они не валяются, это их рабочее состояние, – оборвал его Захар, вытирая руки ветошью. – Чем обязан?

– Вот зашел проверить свои владения, – отрезал директор, зыря по сторонам глазками. А зыркать-то было на что.

– Знаете, Виктор Демьянович, – Захар начал закипать, – вот там за порогом вы может и директор, а эта территория, – Виктор махнул рукой, – мною арендована, и я за нее плачу. Так что здесь начальник я, и более вас не задерживаю.

Вознюхин хотел было оскорбиться, но увидев широкую спину Захара, промолчал и вышел.

Вечером того же дня Виктор Демьянович, сидя у себя в кабинете долго думал, по обыкновению покусывая ногти, а потом резко взял трубку телефона и набрал номер Черноморской прокуратуры.

– Ой, привет, Эльвирочка, – ласково произнес он, – как поживаешь? Я собственно по делу. Есть тут у меня один арендатор, надо бы им заняться.

На другом конце провода что-то долго говорили. Вознюхин, молча и внимательно, слушал, не перебивая и ковыряясь в носу.

– Хорошо, Эльвирочка! Как сколько? – наконец спросил он, – Пятьсот? Хорошо. Я согласен.

– Вот так, – произнес сам себе Вознюхин, укладывая ласково на прибор связи телефонную трубку, – за вложенные пятьсот баксов, я сниму приблизительно тысяч тридцать. Замечательная акция.

Виктор Демьянович потер с удовольствием свои тонкие ручонки и засмеялся.

Через два дня к Захару наведались сначала сотрудники налоговой милиции, затем пожарники. В общем, план оперативных мероприятий заработал в полную силу. Загнанный в угол Виннер нашел только один выход, он вновь поехал в посольство и, попав на прием к послу, обрисовал ситуацию. Тот пообещал помочь. Примерно через неделю к Захару наведались два сотрудника из службы местной госбезопасности, а поскольку вера в закон у него еще не была подорвана, то они быстро нашли общий язык.

Эта попытка Захара отдать дань уважения закону, закончилось плачевно.

Наспех сооруженная сотрудниками местных органов дача взятки Вознюхину провалилась с треском, благодаря его таинственным связям и темным делишкам. Но тем дело для Захара не кончилось. Начались и хозяйственные суды против Виннера – арендатора.

Предложение о помощи со стороны помощников судей сыпались Захару как семечки на голову, но он упорно верил в торжество закона. Однако, на процессе в суде первой инстанции, судья читал комиксы. Во второй инстанции откровенно смотрел в окно, а в третьей просто уснул во время процесса. То есть решение уже было принято, но кем и руководствуясь чем?

Наконец, решение всех трех судов вступило в силу, и у Захара отобрали то, что он зарабатывал и вкладывал. Просто отобрали. Закон, что дышло...

Выйдя из последнего заседания апелляционного суда, Захар вышел во двор этого заведения и задумчиво посмотрел на улицу сквозь высокую металлическую ограду. Там за забором по большому красивому проспекту сновали люди, мчались куда-то машины.

« – Никому нет дела в этой стране, – мрачно думал Захар, – до закона. Эх, прав был отец. Не дадут они мне работать. Что же делать? »

Глава 10

«...У греха много орудий, но ложь – это рукоятка, которая подходит к любому из них...»

Василий Шишкин (из позднего)

Любая палка имеет два конца

– Вам не кажется, что здесь чего-то не хватает? – спросил с иронией Сергей архитектора. Григорий Минин всерьез думал, что он лучший строительный дизайнер. Приложив руку к красиво остриженной бороде, он внимательно посмотрел на Сергея.

– И чего же, по вашему мнению, тут нет? – спокойно спросил он.

Сергей Шилов, мужчина лет сорока с красивой стрижкой седых волос, что явно свидетельствовало о большом жизненном опыте, улыбнулся и указал рукой переднюю панель ванной.

– Дело в том, что ванная, отделанная мрамором, должна иметь технологическое окно, – ответил архитектору Шилов. – В противном случае хозяин квартиры, – Сергей кивнул в сторону Виктора Демьяновича, – просто не сможет даже сливное отверстие прочистить.

– Мне тоже так показалось, – вступил в разговор владелец, – Гриша, ты погорячился с ванной, и это надо признать.

– Витя! – резко ответил Минин, – что ты понимаешь? Должна быть целостная картина!

– Позвольте, – вмешался Шилов, – картина картиной, однако и процесс нарушать нельзя. Ведь из-за этого под ванной появиться плесень, которую потом с мрамора не отмоешь.

– Да, Сергей Васильевич, – ехидно засмеялся Виктор Демьянович, – умыли вы моего архитектора. – А тебе Гриша, – Вознюхин (а это был именно он!) повернулся к выходу из ванной комнаты, – минус сто долларов.

– Это еще за что? – обиделся Минин.

– За то, что теперь надо эту панель резать, – ответил ему Виктор Демьянович. – Я правильно понимаю? – задал он вопрос Шилову.

Тот только кивнул головой в ответ.

– Кстати, Сергей Васильевич, – продолжил Вознюхин, – я вашу книгу еще не прочел, но у меня есть к вам интересное предложение.

– Какое же? – спросил его Шилов.

– Сейчас я не хочу это озвучивать, – Виктор Демьянович покосился на архитектора, – так что прошу вас приехать завтра вечером ко мне на киностудию часиков этак в шесть. Сможете?

– Хорошо, – согласился Сергей, – приеду.

– Вот и славненько, – Вознюхин потер ладони, словно огонь добывал. – Идем Гриша! Нам еще с аквариумом надо разобраться.

– А что с ним не так? – обиженно спросил Минин.

– А то, – ответил ему Вознюхин, увлекая его под руку из ванной, – что я хотел бы понять, что побудило тебя сделать его каркас из семьдесят пятого уголка?

От былой славы Черноморской киностудии остался только кораблик на административном здании, но и его сумела затронуть разруха, о которой так метко сказал в свое время (а ведь это важно сделать что-то вовремя) профессор Преображенский. Казалось, будто бригантина слегка накренилась под ветром несостоявшихся перемен и вот-вот пойдет на дно. Даже непо-

нятно было, что ей в этом помешало: то ли основательность конструкции, заложенной еще на стапелях, то ли какое-то злое упорство, мол, я вам еще покажу. Но, всяк туда входящий, как впрочем, и наш Шилов, был уверен, что здесь изменится его судьба.

Сергей с каким-то благоговением вошел в холл. На охране видимо его уже ждали, так как немедленно пропустили к директору. Поднимаясь на второй этаж, Шилов оглядывал вывески афиш на стенах со знаменитыми актерами и актрисами. Что-то неуловимо теплое коснулось его души, и он даже коснулся одной из них рукой. Пройдя по коридору, Сергей быстро нашел приемную. Секретарша встретила его оценивающим взглядом и снова уткнулась в экран монитора. Молодость ответственного работника не позволяла отвлекаться на рабочем месте от поиска потенциальных женихов в социальных сетях.

Дверь в кабинет директора была приоткрыта, но его хозяин предпочел нажать кнопку селектора и громко позвать свою помощницу.

– Ира! – крикнул Вознюхин в микрофон так, что и в приемной было слышно, – там должен был Шилов подойти. Есть?

– Вы Шилов? – спросила Ира Сергея, не отрывая взгляда от компьютера.

– Да, – ответил Шилов.

– Есть, Виктор Демьянович, – отрапортовала секретарша.

– Так, давай его сюда, – Вознюхин был явно чем-то возбужден. – Вечно тебе напоминать надо!

Ира обиженно поджала свои пухлые губки и, состроив гримасу, адресованную Вознюхину, произнесла, обращаясь к Шиллову:

– Заходите, он вас ждет.

Сергей кивнул головой и вошел в кабинет директора.

– Разрешите? – спросил Шилов, размашисто распахивая створку двери и ступая в святая святых Черноморской фабрики кино.

– Проходите, – Вознюхин встал и сделал несколько шагов навстречу, протягивая худую руку гостю. – Что-то вы уж больно по-военному как-то, Сергей! Присаживайтесь.

Шилов отодвинул тяжелое кресло на странных ножках от гостевого стола и присел, выложив руки на столешницу.

Вознюхин встал возле своего кресла и, вцепившись в его спинку, несколько секунд осматривал посетителя.

– А скажите мне, – начал директор, обходя кресло и усаживаясь в него всем телом, – как вам ваша нынешняя работа и что вам за это платят?

– Хм-м, – хмыкнул Шилов, – работа, как и всякая другая, а денег всегда не хватает.

– Да, это верно во все времена, – натянуто улыбнулся Вознюхин, – а чтобы вы сказали, если бы я предложил придти и поработать на нашей легендарной студии?

– В качестве кого, простите? – удивился Шилов, – я ведь не имею никакого отношения к кино.

– Это я знаю, – поморщился директор, – и хорошо, что не имеете. А качество я предлагаю главного инженера.

Шилов откинулся в кресле, переваривая сказанное.

– Зарплату я обещаю сохранить на прежнем уровне, – Вознюхин наклонился к столу, – а после Нового года, когда примут закон о кино, возможно и повышение.

– Честно говоря, – ответил Шилов, – я не готов вот так и сразу ответить.

– Понимаю, – огорчился директор, – поезжайте домой, с женой посоветуйтесь.

– Дело тут не в жене, – сказал Сергей.

– Тогда в чем же? – резко спросил Вознюхин.

– Ведь главный-то у вас есть? – Шилов попытался задать вопрос как можно более миролюбиво, – с ним-то что?

– Ах, вы об этом? – директор криво усмехнулся, – дело в том, что он уходит. Да и главный инженер из него никакой. А вас я видел в деле, – Вознюхин рассмеялся.

– Вы быстро моего архитектора на место поставили. А это мне о многом говорит. Подумайте, – директор снова откинулся в кресле и начал грызть ногти, – ведь не зря же люди встречаются? Может быть, это для вас шанс начать новую жизнь? Да и просто работа на студии, – Вознюхин вознес глаза к потолку зашитому крошащимися плитками так, словно там и было небо, – это же звучит! А!?

В этот момент очередная крошка отвалилась и попала директору в глаз. Он чертыхнулся и стал протирать его пальцами. Наконец ему удалось справиться с угрозой для зрения, и он, со слезящимся правым глазом, спросил, – А?

– Я подумаю, – ответил Шилов, – обещаю, что не долго.

– Хорошо, – обрадовался Вознюхин не столько ответу Сергея, сколько тому, что тот никак не отреагировал на досадную случайность с глазом.

– Ира! – директор снова нажал на кнопку селектора, – позвони Руслану! Пусть ужин несут.

– Хорошо, – пробублькала Ирина в громкоговоритель.

– Что ж, Сергей, – Вознюхин как-то странно качнул своей головой-дыней, – за сим, не смею вас более задерживать.

Предложение Вознюхина, как и его заверения в скором повышении зарплаты, Шилов все-таки принял и уже с июня, а разговор состоялся в конце мая, появился на киностудии, оставив прежнюю работу с камнем. Ему всегда хотелось чего-то эдакого, и где-то в глубине души даже мечталось о чем-то подобном. Упустить шанс приобщиться к Великому Сергей просто не мог.

Хозяйство было не очень большим. Однако тот технический потенциал, что остался после целой череды реорганизаций, позволял строить планы на будущее. Уходящий главный инженер Леша, как все его называли, был, и, правда, очень мягок. Это первое впечатление так и случилось о нем у Шилова, хотя на самом деле причина полного пофигизма его предшественника крылась в другом.

Совсем иным был начальник почти деревянных и бутафорских конструкций Петр Валерьяныч. Его деятельная натура никому не давала покоя. Желание постоянно зарабатывать и при этом крайне не сговорчивый нрав, делали его уж очень противоречивым в глазах коллег. Несмотря на свое рабоче-крестьянское происхождение, Петр Валерьяныч Мудрик всегда был подтянут, одежда его, даже роба, была выглажена, и он постоянно чего-нибудь стряхивал с рукавов или брюк, не замечая иногда, что проделывал это и с собеседником без согласия последнего.

Цех его был практически обескровлен отеческим вниманием Вознюхина, в том смысле, что рабочих в подчинении оставалось только три души, причем одна из них была сметчицей, на которой вся бухгалтерия Мудрика и держалась.

На второй день своего пребывания на кинофабрике, Шилов решил познакомиться с Петром Валерьянычем лично и пришел поутру в цех. Войдя внутрь, Сергей был поражен тишиной, которая стояла здесь, не смотря на то, что вся территория была заставлена не новыми, но совершенно действующими станками и оборудованием.

– Саша! – услышал Шилов чьи-то голоса, – я же тебе сказал русским языком, что вот тут надо вручную доводить. А ты что сделал?

Сергей тихо прошел в следующее помещение, из которого доносился разговор, и увидел двух человек лет пятидесяти, стоящих возле молчащего станка. Один из них в очках с седой головой как-то уж неуклюже крутил в руках деревянную деталь, будто видел ее впервые.

– Петр Валерьяныч, – пробубнил Саша, – хотел как быстрее.

– Не болтай своей ерундой зря воздух! – ответил Мудрик, – я тебе, что петух с Привоза?

– Ты чего? – выпучил на него глаза работник.

– А то, что! – распалился Петр Валерьяныч, – сходи-ка ты на Привоз, купи петуха, отруби ему голову и компостируй ему мозг! А мне не надо!

– Кх-м, – кашлянул Шилов.

Мудрик повернул в его сторону голову с лохматой шевелюрой, попытался пригладить не проснувшиеся еще волосы, но поняв, что это бесполезно, бросил это занятие и сделал шаг навстречу Сергею, закрывая спиной Сашу и деревянную деталь.

– Простите, а вы кто? – спросил он настороженно.

– Вроде как главный инженер, Шилов, – ответил ему Сергей.

– Ага-а, – протянул Мудрик, поворачиваясь к рабочему, очевидно давая понять, что присутствие деревянной детали тут уже не уместно. – Все, Саша! Иди и переделывай.

– Значит, главный инженер, – продолжил он разговор с Шиловым, когда Саша удалился слегка покачиваясь. – Значит, сожрал-таки Вознюхин Лешу.

– То есть, – не понял Сергей.

– Да, то и есть, – констатировал Мудрик, – что сожрал его этот мудака.

Шилов, привыкший к субординации, не ожидал такого резкого отзыва о начальстве и не нашелся что ответить.

– Да-к, вы уже будете шестым по счету главным за два неполных года его правления, – заметил Мудрик немой с укоризной вопрос на лице Шилова, – он тосует людей как карты, этот бездарь от киновари.

– Петр Валерьяныч, – сурово заметил Сергей, – может, стоит подумать, прежде чем выдавать такие определения?

– Уважаемый новый главный инженер! – Мудрик криво усмехнулся. – Вы сколько его знаете? Два дня!? А я здесь двадцать лет! И не один я это говорю и знаю. Посмотрим, сколько вы сможете продержаться.

– Предлагаю прекратить этот разговор, – сказал Шилов, – покажите лучше мне цех.

– Согласен, – улыбнулся Петр Валерьяныч, – пойдём!

– Вот такая арифметика, – закончил докладывать Шилов Вознюхину свои предложения, благообразно умолчав о разговоре с Мудриком.

– Значит, вы предлагаете запустить наш автобус на экскурсию по городу? – переспросил его директор, откидываясь в кресле и покусывая ногти.

Его голова-дыня стала мерно покачиваться, а глаза буравчики забегали, будто костяшки старых счетов.

– Если мы отдаем его съемочной группе в аренду, то он будет приносить в смену семьсот гривен, – произнес вслух Вознюхин, видимо закончив считать в уме, – а так, всего пятьсот.

– Но съемочных групп, в ближайшие два месяца, по плану не предвидится, – ответил Шилов, – а вернуть его на студию мы сможем в любое время без объяснений. Таков уговор с экскурсионным бюро.

– Хорошо, – согласился директор, – а сколько вы предлагаете платить водителю?

– Двадцать процентов от чистых денег, – сказал Шилов.

– Не много ли? – засомневался Вознюхин.

– Нет, не много, – отрезал главный инженер. – Он людей будет возить, а это серьезная работа.

– Согласен, запускайте, – утвердил директор, – только заведите тетрадь и каждые десять дней мне отчет на стол.

– Будет сделано, – Шилов стал собирать бумаги, – могу идти?

– Идите, – ответил Вознюхин, засовывая указательный и большой пальцы в нос и выдерживая оттуда волосок, – только следите за водителем, – поморщился он от боли и замолчал,

рассматривая внимательно сжатый пальцами роговой отросток, что еще секунду назад был частью его организма.

– Не понял, – Шилов не дождался комментария директора.

– Пьет он, – Виктор Демьянович оторвался от созерцания устроенной экзекуции и стряхнул волосок с пальца, – Пьет, говорю, – он поднял глаза и посмотрел на главного инженера, – так что вся ответственность ложится теперь на вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.